

Очерк истории русского богослужебного языка.

Господь наш Иисус Христос, проповедуя Царство Небесное, предупреждает: "Ко всякому, кто слышит слово о Царстве и не понимает, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его". "Слушайте и разумеите", - так говорит Господь Своим ученикам. Вот прямая воля Христа Спасителя. В исполнении этой воли, этой заповеди и состоит переводческая деятельность церкви.

Новый перевод богослужебных книг неотложно необходим. Ныне-завтра надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиной вреда, который от сего происходит.

Свт. Феофан Затворник (прест. в 1894 г.)

Исправление церковных книг - неотложное дело... И я думаю, что и в настоящей церковной разрухе в значительной доле повинны мы тем, что не приближали наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа...

Свт. Афанасий (Сахаров) (прест. в 1962 г.)

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ дискуссия о богослужебном языке, начавшаяся в Русской церкви в первой половине 1990-х годов, вступила в новую фазу своего развития, что выразилось, например, в издании Сретенским монастырем сборника "Богослужебный язык Русской церкви". Это неудивительно: впереди Архиерейский собор, от которого все не только ждут какие-то решения в этом отношении, но и хотят на эти решения повлиять...

Составители сборника выражают весьма распространенную точку зрения, которую они хотели бы считать общецерковной и традиционной. Действительно, многим кажется, что позиции сторон уже определены. Считается, что с одной стороны, есть сторонники сохранения церковно-славянского языка, которые опираются на многовековую устойчивую традицию, желая сохранить великое достояние нашей церкви. При этом считается также, что, благодаря своим уникальным свойствам, церковно-славянский язык идеально подходит для передачи греческого оригинала и что мы, таким образом, имеем идеальный перевод, который постепенно, по мере вхождения в церковную жизнь, сам собой становится понятен верующему человеку. Если это и не совсем так, то проблему можно решить за счет катехизации. Усилия окупятся сторицей: современная русская культура сохранит связь с тем "необозримым живоносным пластом", коим является церковно-славянский язык. Если же в начале этого века и были какие-то незначительные попытки переводов богослужения на русский язык, то это лишь влияние общего либерального духа времени, который известно к чему привел. Недаром плодом этих идей церковного обновления стал обновленческий раскол. Проблема богослужебного языка ставилась на Поместном соборе 1917-1918 гг., но никакого решения не было принято.

С другой стороны, есть сторонники перехода на русскоязычное богослужение. Считается, что это революционеры и реформаторы, упрощающие и рационализирующие то, что такой операции не поддается, ревнители понятности буквы и гасители неуловимого духа православного богослужения, пренебрегающие наследием традиции и культуры, старающиеся, по примеру всех революционеров, "возжечь из искры пламя", не представляя себе, к чему это может привести...

Так ли это? Уже сам характер спора наводит на размышления: против доминирующей

роли церковно-славянского языка в жизни нашей церкви почти никто не выступает. Никто не требует и обязательного повсеместного введения богослужения на русском языке. Таким образом, в споре речь о церковно-славянском языке как бы и вообще не идет. Речь идет только о русском языке, и спор идет между его сторонниками и его противниками.

Насколько такая ситуация традиционна для Русской церкви? Как в истории решалась проблема церковно-славянского и русского языков в богослужении? Ответ на этот вопрос поможет нам лучше понять происходящее с нами сегодня.

Равноапостольный святитель Николай Японский на слова простых русских моряков о богослужении на японском языке "Господь Бог не положил различие в языке для молитвы" воскликнул: "Да наградит Господь Своєю благодатию такое истинно православное суждение!"

Учение о необходимости и равной возможности для всех народов иметь богослужение на родном языке было непоколебимо утверждено в православном предании трудами равноапостольных просветителей славянства Кирилла и Мефодия, отвергших трехязычную ересь; следовательно, прямая догматическая борьба против этого учения невозможна. Тем не менее, со времен Киевской Руси и до нашего времени в богослужении в основном используются книги на церковно-славянском языке, малопонятном народу, как по языку, так и по содержанию. Как заметил известный лингвист Борис Успенский, "в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия - "церковно-славянское" и "русское" - существенно меняли свое содержание. Тем не менее, сама оппозиция церковно-славянского и русского оставалась и на каждом этапе она отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием".

Почему же не были сразу переведены нами богослужебные книги на наш собственный русский язык?

Выдающийся историк Евгений Голубинский был уверен, что причина этого - "прежде всего, наша косность; затем, другою и действительной причиной должно быть считаемо то, что наш язык, дотоле весьма мало письменный, не был обработан и приготовлен для письма и что таким образом переложение на него представляло бы большой труд, требовавший борьбы с ним и его организации".

Можно назвать и еще одну причину - отсутствие в Киевской Руси классического гуманитарного образования в систематических формах, делавшее невозможными ни адекватный перевод, ни понимание греческих богослужебных и догматических текстов. Эти необходимые условия начинают появляться только в начале XVI в. - с 1518 г., когда на Московскую Русь приезжает Максим Грек, с него и берет начало книжная справа, основанная на грамматике. Но окончательно о наличии этих условий на Руси можно говорить лишь со второй половины XVIII в.

Чтобы составить впечатление о глубине проблемы, которая осознавалась русской литургической мыслью, уходящей в первые века формирования самой богослужебной традиции, достаточно ознакомиться со статьей проф. СПбДА В.В.Болотова (1853-1900) "Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого". Знаменитый ученый пишет, что и древнейшие сохранившиеся литургические последования страдают иногда безграмотностью, и не только грамматической, - "Оле византийского убожества!..", - и ругает византийских редакторов, называя некоторые их вставки тупоумными и "клеветой на Василия Великого и его афинское образование"!

Но, может быть, наше церковное правительство и вовсе не поднимало вопрос о переводе богослужебных книг с церковно-славянского (болгарского) языка на русский, поскольку киевскими митрополитами были почти исключительно греки? Этот вопрос тоже поднял академик Голубинский, хотя и отметил, что "частные попытки в этом роде, несомненно, бывали. Таковую частную попытку перевода на чистый русский язык, например, представляет собою так называемое Галичское, или Крылосское, евангелие 1144 г."

Существовало и парафразирование, например известен канон на Рождество Христово в Минею рубежа XII-XIII вв. и парафраз минейной службы, сделанный справщиком и переводчиком, чудовским иноком Евфимием в конце XVIII в. Прелагатели используют славянский язык и для облегчения понимания пересказывают текст своими словами, не придерживаясь буквы греческого текста.

И все же для нашей церкви, изначально в готовом виде воспринявшей Священное писание, богослужебные и святоотеческие тексты в болгарских (церковно-славянских) переводах, более привычны

были правка и поновление, замена непонятных слов и речений, нежели парафразирование или перевод. И надо отметить, что такая работа велась церковью всегда. Переводили и святители Алексей Московский (о трудах которого свт. Филарет Московский писал, что они были сохранены промыслом Божиим, чтобы никогда в Русской церкви не было разговоров о том, что перевод церковных книг не согласен с волей Божией), и Стефан Пермский, и преподобные, страдавшие за эти труды, - Максим Грек и Дионисий Радонежский (Троицкий).

Ко времени начала книгопечатания Киевская и Московская Русь были разъединены и государственно (первая была под властью Польско-Литовского государства), и церковно-административно (в Киеве и Москве были свои самостоятельные митрополиты), и до некоторой степени культурно. Все это сказалось и на книжности, и на переводческой деятельности, которая началась раньше на Юго-Западной Руси.

С XVI в. там появляются переводы Писания, причем некоторые из них сделаны непосредственно с церковно-славянского текста; так, например, Пересопницкое евангелие было переведено в 1556-1561 гг. "из языка болгарского на мову русскую", т.е. с церковно-славянского на "простую мову" - книжный язык, возникший на основе государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси во второй половине XVI в. Тогда же там стали издавать параллельные тексты на церковно-славянском и на "простой мове", а в первой половине XVII в. "простой" язык вытесняет церковно-славянский из книжности и серьезно конкурирует с ним и в богослужении.

Вдохновителем дела переводов стал Киевский митрополит Петр Могила, именем которого обозначают целую эпоху в истории Западно-русской церкви и культуры, со своими сподвижниками.

Так, в Киево-Печерской лавре в то время переводя для использования в богослужении некоторые церковные молитвы и определенные части богослужебных книг. В Постной триоди 1627 г. синаксари переведены иг. Тарасием Земкой на "российскую беседу общую" ("сотворися се ревностью и желанием рода нашего, Малой России благородных, гражданских и прочих различного причта людей, не учивших словенского языка"); в Требнике 1646 г. есть целые такие разделы, там даются даже особые указания об использовании простой мовы в некоторых частях богослужения.

Тогда же начинается дискуссия о языке богослужения. Известный униатский архиепископ Иосафат (Кунцевич) призывал свое духовенство не служить на простой мове (молитвы, ектеньи), допуская лишь чтение поучений за богослужением на этом языке.

Книги юго-западной печати с использованием "русской мовы" хранились и использовались, как дониконовские, и у старообрядцев.

Во второй половине XVII в. начинается массовое проникновение югозападнорусской культуры, в том числе и книжности, и на великорусские земли. Непосредственным образцом для Славяно-греко-латинской академии становится Киево-Могилянская академия. Но не забудем, что еще в 1630-х годах в челобитной патриарху Иоасафу I нижегородское духовенство требовало устранить неисправность богослужения (как одну из причин нравственного упадка в народе), а в конце XVII в. уже входит в употребление т.н. "гибридный" церковно-славянский язык с близкими к современным синтаксисом и лексикой: в 1683 г. Авраамием Фирсовым на него была переведена Псалтырь.

Церковная традиция переводов священных, в том числе богослужебных, книг на русский язык возникла во второй половине XVIII в., в контексте резко изменившейся с правлением Петра языковой ситуации. Родается гражданская азбука, а потом и новый язык, как синтез церковно-славянского и живого русского, - "славенороссийский", русский литературный язык. Именно тогда язык Священного писания, богослужения и проповеди, святоотеческих и душеполезных книг, богословия и богословского образования окончательно перестал удовлетворять церковным нуждам, и в первую очередь - пастырской заботе о просвещении народа. Не случайно все прославленные церковью архиереи XVIII-XIX вв. занимались переводами. Петр же провел и унификацию книг: киевские книги должны были быть приведены в соответствие с книгами московской печати.

Во второй половине XVIII в. переход с церковно-славянского на русский постепенно распространяется на все жанры духовной литературы, начиная с проповеди. Начали переходить на русский в проповеди еп. Псковский Гedeон (Криновский) (прест. в 1763) и продолжатели его дела

митрополиты Московский Платон (Левшин) (прест. в 1812) и Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) (прест. в 1801). В то же время свт. Тихон Задонский (прест. в 1783) издает душеполезную литературу на русском языке. Он же считал необходимым "перевести Новый завет с греческого языка на нынешний стиль, дабы простолюдинам было внятно, и чтобы для полезного чтения многих выпечатано было на одной стороне, как ныне есть, славянски, а на другой - внятнм переводом".

Митр. Платон, более всех потрудившийся в становлении русского церковного языка, пишет и издает в 1765 г. "Православное учение" на русском языке, в 1766 г. - перевод бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия. "В переводе не употребили мы совсем славенский язык, дабы перевод наш не показался многим темен и невразумителен..." Язык перевода следует образцу, утвержденному в светской литературе Тредиаковским и Ломоносовым. В предисловии высказывается пожелание, чтобы беседы читались в храмах Великим постом... В 1775 г. выходит "Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни", значительная часть которых принадлежит самому митр. Платону. Эти поучения должны были читаться во всех храмах. В предисловии к изданию, написанном от лица Синода, объясняется недостаточность старых изданий, потому что они "...в некоторых местах темны, переводом не зело добрым затруднены, которую темноту умножает и слог славенского языка: и потому не токмо простому народу, но иногда и ученым невразумительны, или когда несколько и понятны, но по слогу древнему и неясности ...не зело усладительны и побудительны..." В 1782 г. появляется и агиографическая литература на русском языке: митр. Платон составляет и издает житие прп. Сергия.

В становлении русского богослужебного языка было две струи - стихотворные переводы и переложения псалмов и молитв (что имело свои корни еще в виршевом творчестве XVIII в.) и переводы богослужебных текстов для церковного и домашнего употребления. Первый перевод (из-за "невразумительности") на русский литературный язык богослужебных текстов (ирмосы и степенны) был опубликован в 1776 г. в "Церковном словаре" (первом церковнославянско-русском словаре) катехизатора Московского университета, академика, протопресвитера Архангельского собора Петра Алексея.

Ректор МДА архим. Мефодий (Смирнов), впоследствии архиепископ Псковский (прест. в 1815), в 1794 г. опубликовал свой перевод: первую новозаветную книгу на русском языке - Послание к римлянам апостола Павла.

В это же время протекала очень важная для церкви переводческая и текстологическая работа прп. Паисия Величковского и его учеников, заново открывших жизненную необходимость руководиться Евангелием и Преданием, для чего постоянно необходимы новые и лучшие переводы. Оптинские старцы, святители Игнатий и Феофан, являясь учениками его учеников, продолжали переводческие труды. Творческая верность своему авве также привела их к необходимости переводов на русский язык. Всего через несколько десятков лет после смерти святого Паисия оптинцы переводят его творения на русский язык. Прп. Амвросий рассылал своим духовным чадам и изъясняющие переводы многих неясных мест богослужения: "Предложил вам аз грешный объяснение сих песнопений, побуждаемый к сему псаломскими словами: "Пойте Богу нашему, пойте разумно".

Свт. Игнатий (Брянчанинов), пастырь и переводчик, ясно зревший церковную жизнь своего времени с ее бедами и проблемами, пути их преодоления видел в обращении к подлинному, апостольскому и святоотеческому, преданию церкви. Поэтому он желал, чтобы церковно-переводческая деятельность углублялась: "Естественно, что по мере перевода на русский язык отцов Восточной церкви, предание этой церкви обозначается отчетливее" (4 мая 1864 г.). А вот как он приветствовал новое издание перевода Евангелия: "Сердечно радуюсь, что слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всей ясностью указал волю Божию, состоящую в том, чтобы слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках". Святитель и молитвы составлял на современном ему русском языке.

Старчество, миссионерство, академическая наука стали источниками вдохновения для появления русских переводов.

Главным же основоположником и ведущим строителем русской церковно-переводческой

деятельности в описываемый период, добившимся их признания церковным народом и подготовившим и саму реформу церковного языка, и церковное сознание к ней, стал выдающийся ученик митр. Платона свт. Филарет Московский. Наша церковь не просто благодарна ему более всех за перевод Священного писания на русский язык. Он был ревностным сторонником всеобщего церковного просвещения: "Надо, чтобы вы не оставались при скудных детских начатках учения Христова, но постепенно приобретали в оном новые, более обильные успехи: чтобы никакую, даже в тайне сокровенную премудрость не почитали для вас чуждой и до вас не принадлежащею, но со смирением устроили ум ваш к божественному созерцанию и сердце ваше к небесным ощущениям".

Если нет проповеди, свт. Филарет считал, что священник или дьякон должен читать поучения святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого или Тихона Задонского на русском языке.

В 1840 году по поводу греко-болгарской распри свт. Филарет писал патриарху Константинопольскому, ушедшему на покой: "Достойно молитв ваших, чтобы народ... был умиротворен и охранен в православии предоставлением ему довольной свободы иметь пастырей и учителей удобно понимаемых, слушать богослужение на понятном языке и обучать детей на природном языке".

Вот еще несколько характерных высказываний свт. Филарета: "Святой апостол Павел учит, что не в словах Царство Божие, но в силе (1 Кор 4:20); не станем без нужды возбуждать разделяющие прекословия о разностях слов, когда они ведут к единой силе Царства Божия". "Величие Священного писания состоит в силе, а не в блеске слов, из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности". "Текст псалма приводится на русском; на что дразнить без нужды людей, когда сего не хотят? Разве не довольно, что Московская духовная академия была оклеветана в нововведении сего рода? Разве надобно давать оружие клевете?"

А вот характерное мнение тех, кто боролся с начинаниями святителя. В письме к генералу А.А.Аракчееву А.С.Шишков писал: "Если церковные (sic!) книги для того, чтобы уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшегося для нас священным, переводиться неведомо кем и как на простонародный язык, каким мы говорим между собою на театре, если при распространении таких переводов (разве для того только нужных, чтобы со временем не разуместь церковной службы или чтобы и обедни служить на том языке, на каком пишутся комедии) еще, сверх того, с иностранных языков вместо наших молитв и евангельских нравоучений переводить будут так называемые духовно-философические... книги, если... все это будет продолжаться по-прежнему, то я министром просвещения быть не гожусь".

Свт. Филарет размышлял об этом: "Восстание против... перевода священных книг образовали люди. водимые личными видами, которые чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы". "Дым ест глаза, а они говорят так: так едок солнечный свет. Задыхаются от дыма, и с трудом выговаривают: как вредна вода от источника жизни", - говорил он же; воистину: "Мы играли вам на свирели, и вы не плясали, мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали" (Мф 11:17).

Свт. Филарет, как и многие другие русские архиереи, признавал небрежение к проблеме переводов церковных книг грозившим скорбями и очень опасным для церкви. Он знал грозные пророчества св. архимандрита Макария (Глухарева), предупреждающие о гневе Божиим из-за небрежения о воле Божией в деле перевода. "Помолимся, да не будем наказаны за небрежение о нем", - призывал святитель, вспоминая это пророчество. Как нам здесь не вспомнить древнее пророчество Иеремии: "Проклят, кто дело Господне делает небрежно" (Иер 48:10).

После трудов митр. Филарета никто уже не мог и не может принципиально отстаивать позицию невозможности использования русского языка для нужд церкви, - это касается и языка Священного писания, и языка богослужения и церковной проповеди, и языка богословия и богословского образования, и языка святоотеческих книг и душеполезной литературы. А так как вопрос реформы богослужебного языка остро стоял перед церковью, то практическое ее осуществление становилось теперь делом времени...

Сам свт. Филарет мудро и последовательно, тщательно и осторожно трудился над этим. Московскому святителю приходилось действовать скрытно, собирая силы в подведомственной ему

епархии и академии, избегая споров и конфликтов. Когда невозможно было напечатать русской перевод каких-либо частей Священного писания, публиковали в ученых записках духовных академий их разбор, а в приложении давали сами тексты. Когда трудно было издать отдельный перевод богослужебных текстов, святитель печатал их, например, в "Творениях святых отцов в русском переводе" - журнале при МДА. В предисловии к своему переводу Акафиста Божьей Матери он писал: "Некоторые церковные песнопения, превосходные глубиной и полнотою духовного разума, заключенного в кратких изречениях, по сему самому не для всех удобовразумительны, а также по древности языка. Посему деланы уже были опыты переложения таковых песнопений на русское наречие. Так великий канон св. Андрея Критского в русском преложении (*прот. М.И.Богословского - В.К.*) напечатан был в "Христианском чтении". Некоторые изъявляли желание иметь русское преложение Акафиста Пресвятой Богородице как пособие для удобнейшего разумения оногo. Такое преложение здесь предлагается".

Кроме того, святитель исправлял богослужебные книги: "В службе мне хотелось соединить славянский род речи с ясностью. Поэтому я иногда переменял порядок слов и некоторые слова употреблял несколько новые, вместо более древних, темных или обоюдных для нашего понятия", - писал он своему духовнику, наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию (Медведеву), ныне прославленному в в лике Радонежских святых.

Свт. Филарет придерживался этого принципа и в собственном литургическом творчестве. Вот примеры: начало тропаря своему небесному покровителю св. праведному Филарету Милостивому (из написанной им службы, употреблявшейся в Троице-Сергиевой лавре и в Оптиной пустыни) и начало стихотворного переложения кондака Преображению:

*Аврааму в вере подражая,
Иову же в терпении последую...*

и:

*Преобразился Ты днесь на горе, Христе,
И славу там Твои ученики узрели...*

Когда же речь шла о вещах для церкви принципиальных, святитель действовал быстро и решительно. Когда граф Н.А. Протасов, обер-прокурор Синода с 1836 г., решил законодательно утвердить как единственно канонический в Российской церкви церковнославянский текст Священного писания, митрополит Филарет, увидев тут прямой вред для церкви, энергично противостоял этому, несмотря на неизбежные репрессии, и внес в Синод записку "О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славенского переводов Священного писания" (1845 г.), которая и была принята в руководство, когда был возобновлен перевод Ветхого завета...

Активная деятельность по переводу Священного писания на русский язык в 10-20-х годах XIX века (а затем в 60-70-е годы) немедленно привела к обсуждению проблемы богослужебного языка и к трудам по переводу богослужебных текстов на русский язык.

Одним из первых церковных переводчиков богослужебных текстов на русский язык был слепой священник Константино-Еленинской церкви при градских богадельнях в Санкт-Петербурге Гавриил Пакатский (или Пакостский), близкий к Державину. К тому времени уже начались переводы тех литургических текстов, которые народ любил более всего.

О.Гавриил перевел стихами всю Псалтирь, через 10 лет после этого опубликовал в 1829 г. первую богослужебную книгу на русском языке - Великий покаянный канон св. Андрея Критского в стихотворном переводе (всего же за неполный век были изданы, обычно на русском, иногда на "новом" славянском языке, кажется, не менее, чем 15-20 переводов канона).

Инициатива систематического перевода богослужебных текстов на русский язык принадлежала Иннокентию Херсонскому, святителю, глубоко и далеко зревшему церковные пути и нужды. Надо сказать, что вторая половина 1820-х годов, когда святитель начинал свое служение, была очень неблагоприятна для переводческой деятельности: именно тогда состоялся известный погром дела церковных переводов (святитель Иннокентий считал его делом "клеветников на это истинно христианское учреждение... следствием не убеждения, хотя бы ошибочного, а личностей и интриги"). И тем не менее, в конце 1820-х годов он, в то время архимандрит, инспектор Санкт-Петербургской

духовной академии, зная отрицательное отношение властей к церковно-переводческой деятельности, вдохновил преподавателей греческого языка Михаила Богословского и Иоанна Колоколова начать переводы.

В 1830-е годы была опубликована их значительная часть, причем начинали с перевода наиболее неудобопонимаемого - канонов праздничных служб (именно каноны переводил и прп. Паисий за полвека до этого).

Можно сказать, что с этого времени литургические переводы становятся общецерковным делом - сотни переводчиков вносят свой вклад в нашу традицию. Для примера отметим хотя бы основную часть того, что сделал один переводчик - будущий протопресвитер Михаил Измайлович Богословский, настоятель московского кремлевского Успенского собора, доктор богословия. Он также перевел канон Андрея Критского - опубликован в 1836 г., были переиздания; каноны святого Космы Маюмского на Воздвижение - 1831 г., на Рождество Христово - 1831 г., на Богоявление - 1832 г., на Сретение - 1837 г., в Неделю цветоносную - 1834 г.; в Великий четверг - 1835 г.; трипеснец утрени Великого пятка - 1836 г., богослужение Великой субботы - 1836 г.; каноны Иоанна Дамаскина на Рождество Христово - 1831 г.; на Богоявление - 1832 г.; на Пятидесятницу - 1831 г.; на Успение - 1836 г.; каноны преподобного Феофана, митрополита Никейского на Благовещение - 1833 г.; антифоны степенны всех восьми гласов - 1837 г. и т.д.

Труды свт. Иннокентия и его учеников положили начало русской академической традиции перевода литургических текстов на русский язык. Можно перечислить сотни ее представителей, но укажем здесь тех, кто более других послужил становлению традиции.

В 1855-1856 гг. профессор греческого языка СПбДА Евграф Иванович Ловягин при поддержке и на средства Санкт-Петербургского митрополита Никанора (Клементьевского) (прест. в 1856), издал в трех книгах "Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках". Потребовались переиздания, которые быстро разошлись, что показало "крайнюю потребность в подобного рода книгах" у духовенства и мирян.

Митрополит Никанор защищал смелое для того времени дело (до него русские переводы богослужбных текстов почти не выходили отдельными изданиями и такими тиражами), и его обвинили в новаторстве. Представляя эти книги, он писал свт. Филарету: "Многие из просвещенных ревнителей и любителей церковных песнопений... весьма многое не могут понимать в наших богослужбных книгах по древности славянского языка и получать удовлетворительное изъяснение на неудобовразумительные места от своих священников, даже обучавшихся в академиях". Митр. Никанор защищал и церковно-переводческие труды Оптиной пустыни, также подвергавшиеся нареканиям.

В 1874-1878 гг. Ловягин вместе с коллегами по академии - специалистом по латинскому языку Никандром Ивановичем Глориантовым и специалистом по христианскому Востоку Иваном Егоровичем Троицким - публикует пятитомное "Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык", включающее и все ныне используемые в Православной церкви литургии (свт. Иоанна Златоуста и Василия Великого, Преждеосвященных Даров, апостола Иакова).

Много сделал для укрепления и защиты церковно-переводческой деятельности историк и литургист архиеп. Черниговский Филарет (Гумилевский). Он и сам переводил на русский язык богослужбные и святоотеческие тексты, которые помещал в своих многочисленных книгах (см., например, его "Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви") и статьях, в том числе и в основанном им в бытность ректором МДА журнале "Творения святых отцов в русском переводе". Не менее важным вкладом в решение проблемы были труды святителя как церковного историка и литургиста. Просвещая церковное общество и борясь с духом невежества, он этим готовил проведение в жизнь необходимых церкви литургических преобразований.

Для святителя Иннокентия Московского, опытнейшего миссионера, пастыря и переводчика, было ясно, что и в России имеется такая же нужда в проповеди веры и в богослужении на родном понятном языке, как и на Аляске. А 1869 г., вступив на московскую кафедру, он, побуждаемый видением неотложных нужд церкви, не только основывает Миссионерское общество, не только вводит выборные приходские советы для возрождения местной соборности и самоуправления, но и учреждает Комитет для

исправления текста богослужебных книг "по поводу усмотренных в них грубых опечаток и неудобопонятных речений".

В состав созданного святителем Комитета из ученых представителей белого духовенства входили председатель его прот. Николай Надеждин, настоятель Покровского (Василия Блаженного) собора, а также прот. Николай Световидов-Платонов, впоследствии протопресвитер кремлевского Успенского собора и прот. Сергей Модестов, настоятель Ермолаевской церкви. Интересно, что в этом деле (исправления Требника и Служебника) не участвовала академическая профессура, может быть потому, что инициатива исходила из среды приходского ученого духовенства, наиболее остро ощущавшего эту пастырскую нужду.

Труды Комитета свт. Иннокентия были переданы Синодом для рассмотрения Особой комиссией, учрежденной в 1881 г. под председательством архиепископа Кишиневского Сергия (Ляпидевского). Осенью 1883 г. ее председателем был назначен архиепископ Тверской Савва (Тихомиров) - ближайший ученик свт. Филарета. В свою очередь эта комиссия предвосхитила труды преосв. Финляндского Сергия (Старгородского) и его Комиссии по исправлению богослужебных книг, организованной в 1907 г.

Святителя Иннокентия очень беспокоила невнятность богослужения, как и вообще несоответствие принятого монашеского богослужебного устава пастырским нуждам церкви. Е.Е. Голубинский писал, что святитель, "обладавший твердым, ясным и прямым здравым смыслом, сознавал нашу несообразность, говорил о ней и для ее устройства мечтал о Вселенском соборе. Но тут вовсе не нужно созывать Вселенского собора. Право начертывать чин общественных служб со включением и литургии в древнее время принадлежало не только каждой частной церкви, но и каждому епископу, и права этого никто потом не ограничивал; монастырский устав вошел у нас в приходские церкви не путем вселенского или частного законодательства, а просто путем обычая".

Подготовить церковное сознание к пониманию неотложной необходимости нового перевода богослужебных книг сумел свт. Феофан Затворник, который писал: "Мрак в книгах, и это не почему другому, как по причине отжившего век перевода". Проблема казалась ему очевидной, он считал, что для начала ее разрешения требуется самая малость: "Для начала определения переводить богослужебные книги достаточно одного напоминания о необходимости сего; потому что все знают и чувствуют сию необходимость. Недостаёт только толчка. Записки составлять о сем, как ни расписать,.. будет ниже того, что чувствуется... Все в один голос выразили живое желание сего... Так и всюду будет".

Вряд ли кто-то из русских архиереев потрудился больше в проповеди этого, чем сам свт. Феофан. Он постоянно пользовался возможностью убедить в необходимости переводов и церковное и светское общество, пытался даже организовать кампанию в верхах, зная, где решались в его время церковные проблемы. Впоследствии почти все его единомышленники в деле перевода в дискуссиях стали ссылаться на него как на важнейшего и авторитетного своего сторонника.

Он думал, что необходимый перевод, который должен быть ясен для простого человека, появится на новом, упрощенном славянском языке: "Опыты перевода уже деланы были. В "Душеполезном чтении" несколько служб так переведенных уже напечатано. И благоговейно, и понятно. Так пусть и всю книгу какую-либо переведут".

И действительно, в московском журнале "Душеполезное чтение" в 1860-е годы печатал свои переводы богослужебных текстов на русский язык его основатель и издатель протоиерей Василий Нечаев, впоследствии епископ Костромской Виссарион (прест. в 1905). Им же в 1882-1889 гг. были напечатаны переводы еп. Екатеринославского Августина (Гуляницкого) (прест. в 1892), которые святитель Феофан и имел в виду.

Еп. Августин, наиболее плодовитый среди русских архиереев переводчик богослужебных текстов, писал о себе: "Будучи с молодых лет хорошо ознакомлен с церковными книгами, автор настоящей заметки давно уже начал скорбеть и теперь глубоко скорбит сердцем, когда ему приходится слышать или же и самому читать в церкви такие выражения, в которых никак нельзя открыть не только логического, но часто и простого грамматического смысла. Не говорю о псалмах, не говорю о паримиях: чтобы тут все было ясно и для слушателя понятно, для этого нужно слишком многое, чего, быть может, еще и не в силах сделать наше церковное правительство - Я имею в виду неясные, неточные, безграмотные

выражения в наших молитвах, канонах и стихирах разных наименований. Кто, например, сразу откроет подлинный смысл в пресловутой песне: "Любити убо нам, яко безбедное страхом" или в этом загадочном: "Брашен львов, сотранных членовными... имже к нам наслаждается дарований (ирм. 3 песни кан. на Богоявление)? Кто сразу поймет, что значит "восшедша слова от Слова научившесе", или: "Сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда"? Кто может читать легко и с полным пониманием второй канон на Рождество Христово, на Богоявление, на Пятидесятницу?"

Поныне важное значение могут иметь принципы перевода еп. Августина. Он пишет и о необходимости замены непонятных слов, и что "в тех случаях, когда для выражения известного понятия нет вполне подходящего слова в старославянском языке, следует брать нужное слово, без всякого сомнения, из позднейшей славяно-русской речи. Знаем, что есть и всегда могут найтись неумеренные ревнители чистоты церковного языка, которые возопиют против введения в богослужебные книги новых русских слов, но таким ревнителям внимать не нужно: они ревнуют не о чистоте, а о темноте церковного языка, быть может, конечно, сами того не сознавая и не желая. Если мы допускаем в своем богослужебном языке даже чисто иностранные слова, то не странно ли, в самом деле, что мы боимся ввести в него вновь какое-либо свое родное слово?.. Что же, разве во всех этих новых русских словах заключается что-либо оскорбительное для религиозного или нравственного чувства верующих? И на каком разумном основании стал бы кто-нибудь противиться употреблению этих слов в церковном языке?!"

Велась также дискуссия в печати и устраивались специальные собрания для уяснения неудобопонятных речений. Так, авторитетное московское *Общество любителей духовного просвещения* провело в 1879 г. ряд заседаний для уяснения смысла выражений: "от очес призора" и "прилог силы хваления трисвятаго не приаща". Известны споры на тему, что значит "сыну света Твоего соделай служителя" или "восшедша слова от Слова научившесе" (были разные мнения даже у таких выдающихся церковных переводчиков, как свт. Филарет Московский, епископ Августин (Гуляницкий), проф. СПбДА Е.И. Ловягин, прот. М.И. Богословский и т.д.).

Что же касается учености переводчиков того времени, то профессор МДА М.Д. Муретов отмечал с горечью: "Обида чувствуется за академическую науку при мысли, что еще в 70-80-х годах прошлого столетия (*т.е. сразу после окончания перевода Библии! - В.К.*) дело (исправления) могло быть сделано уже и притом не какими-нибудь случайными и к науке мало прикосновенными людьми, а лицами с высоким научным цензом и специалистами по библейскому, отеческому и богослужебному языку". Неудивительно, что еще в 1870-1880-е годы мысль о необходимости вынесения этой проблемы церковной жизни на соборное обсуждение утвердилась в церковном сознании. "На всероссийском соборе архипастырей и учителей церковных лежит обязанность обнести и оживить язык Божия слова и богослужения церковного с неприкосновенным сохранением от веков присущего ему священнолепного величия и силы, но обновить и оживить до такой степени, чтобы он мог стать живым (хотя и не разговорным) языком всего церковного русского народа" (*напечатано в издававшейся И.С. Аксаковым газете "Русь", 1882 г., № 47*).

Проблема богослужебного языка заключала в себе два вопроса: вопрос о качестве церковнославянского перевода употребляемых богослужебных книг (и их исправлении) и вопрос о русском языке богослужебных книг, а впоследствии - и богослужения.

На первый вопрос русские архиереи дали вполне ясный ответ. Самые осторожные и консервативные из них (например, архиеп. Вологодский Никон (Рождественский)), даже отрицательно настроенные к возможным в этой области изменениям, признавали, что существующий перевод содержит ряд ошибок и неясностей, а для части верующих и совсем непонятен.

"Главным печальным недостатком... богослужебных книг является не всегда удовлетворительный перевод греческих текстов, иногда ошибочный, иногда весьма темный, неудобопонимаемый", - писал крупнейший историк русской книжной справы и литургической науки Б.И. Струве. "Эти ошибки и погрешности произошли или от неправильного перевода греческих глагольных, именных и вообще грамматических форм, или от неискусного подбора неподходящих значений греческих слов, в частности, от смешения одних слов с другими, сходными в орфографии и

произношении, но отличными по значению, частью от неправильного, ошибочного чтения греческих слов и, наконец, от опечаток. Кроме того... встречается немало устаревших славянских слов и речений, или непонятных в настоящее время, или имеющих совершенно другое значение. Все эти и подобные недостатки означенных книг не только затрудняют пользование ими, но при неопытности употребления этого материала могут привести к несогласным с православным учением выводам", - говорится в официальной докладной записке "Об издательском Совете при Св. Синоде" (1913 г.)

В "Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе" (1905 г.) дан обширный свод мнений по вопросу богослужебного языка. Вопросы о богослужебном языке среди заданных преосвященным не было, но архиереи сами, по собственной инициативе, заявили о необходимости пересмотра и исправления богослужебных книг со стороны языка и изложения как первоочередной потребности церковной жизни. На необходимость этого указывается в 32-х отзывах (половина всех отзывов).

Не нашлось ни одного отзыва, признающего положение с богослужебным языком нормальным. Более того, единодушие в этом вопросе оказалось даже большим, чем в вопросах о восстановлении патриаршества (один архиерей был против) и о созыве собора, где три архиерея все же высказались против.

Приведем характерные мнения о богослужебном языке наиболее авторитетных архиереев. Будущий патриарх Тихон считал, что "перевод богослужебных книг... теперешний устарел и во многих местах неправильный". А вот отзыв архиепископа Рижского Агафангела (Преображенского): "Язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. Уже со времени перевода Библии на русский язык стал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляют желать, чтобы богослужебным языком для православного народа оставался славянский язык. Но в таком случае необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого до возможности понимания его и не учившимся славянской грамоте возможно сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковному языку". Архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий) пишет, что "возвышенное богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих... Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает церковной, возвышенной, но непонятной песне неумную, но понятную сектантскую песню, которую он может сам и петь, а образованный по той же причине идет в театр или удовлетворяется домашним пением пошлых, но понятных романсов". В связи с этим он предлагает "...обсудить вопрос об исправлении существующих переводов или приступить немедленно к новому переводу на новославянский язык, всем понятный и вразумительный". ("Одна из причин, склонивших православных к штунде... есть именно непонятность церковных песнопений", - думал об этом еще свт. Феофан Затворник, а выдающийся алтайский миссионер, церковный переводчик и весьма консервативный иерарх митрополит Московский Макарий (Невский) (прест. в 1926) предупреждал, что в случае ничегонеделания и продолжения церковной жизни тем же порядком мы вообще придем к тому, что вскоре православных в России будет меньше, чем отступников.)

В основном преосвященные сочли необходимым исправление и перевод богослужения на "новый", упрощенный славянский язык (терминология не была устойчивой - искомый язык называли и славяно-русским и т.д.), предлагалось, впрочем, введение богослужения и на русском языке.

"Мнение епископата о необходимости исправления богослужебных книг, высказанное в "Отзывах", разделялось большею частью духовенства, как это видно из резолюций епархиальных и других церковных съездов", - писал Борис Сове.

Это можно подтвердить многими примерами. Выдающиеся и праведные пастыри протоиереи Иоанн Кронштадтский (считал необходимым читать псалмы на общей исповеди сначала по-славянски, потом по-русски), Валентин Амфитеатров и Алексей Мечев начали использовать русский язык в богослужении или при чтении Писания. В 1911 г. еп. Самарский Константин (Булычев) благословил

сельского священника Николая Пономарева на совершение богослужения по-русски. Даже на самом охранительном в предреволюционное время IV Всероссийском миссионерском съезде в Киеве, проходившем под председательством одного из наиболее консервативных иерархов того времени архиеп. Волынского Антония (Храповицкого) (прест. в 1936), 25 июля 1908 года была принята резолюция по докладу организационной комиссии "о неотложной нужде исправлений в церковном богослужении", о желательности "нового перевода церковно-богослужебных книг на упрощенный, более близкий к русской речи, славянский язык". (На Соборе 1917-1918 гг. вл. Антоний предложил переводить литургические тексты для проповеди за богослужением: "Возьми Служебник и переводы его по-русски").

Таким образом, епископат, в согласии с полнотой Российской православной церкви, единодушно выразил мнение о необходимости скорейшего разрешения проблемы богослужебного языка. Так началась подготовка соответствующего решения Собора.

Как по вопросу о патриаршестве на Соборе многое решила пламенная речь св. архим. Илариона (Троицкого), так по вопросу о русском языке в богослужении важнейшим стало выступление ключаря храма Христа Спасителя прот. Александра Хотовицкого. Деятельный сторонник принятого решения, близкий и многолетний сотрудник будущих патриархов Тихона и Сергия, священномученик (прест. в 1937), он говорил: "Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны... Закрывать двери Православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. Из достоинства славянской речи еще не следует отрицание перевода книг, а равно и богослужения и молитв на русский язык, ибо таким образом мы бережем золотник, а теряем пуд".

Итоговый документ (Доклад отдела), подписанный замещающим председателя отдела еп. Охтенским Симоном (Шлеевым) - первым у единоверцев! - был заслушан Соборным советом и передан на 163-е общее заседание Собора, состоявшееся 30-го августа (12 сентября) 1918 г. Вот принятый на нем текст:

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.
2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления.
3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.
4. Частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.
5. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью.
6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском.
7. Необходимо немедленно образовать при Высшем Церковном Управлении особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужений на общерусский или малороссийский и на иные употребляемые в Русской Церкви языки, причем комиссия должна принимать на рассмотрение как уже существующие опыты подобных переводов, так и вновь появляющиеся.
8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужебных книг на параллельных славянском, общерусском или малороссийском, употребляемых в Православной Русской Церкви, языках, а также изданием таковых же отдельных книжек с избранными церковнославянскими богослужебными молитвословиями и песнопениями.

9. Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений прихожанами для общецерковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных беседах по одобренным церковной властью сборникам признается полезным и желательным.

Собор постановил (163-е Деяние Собора) передать этот доклад на утверждение СовеЩанием епископов. СовеЩание епископов - орган Собора, обсуждающий "каждое, принятое общим собранием Членов Собора, правилодательное или основоположное постановление с точки зрения соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви" (Устав собора, п. 64), - прошедшее (9) 22 сентября 1918 года под председательством патриарха Тихона, рассмотрело доклад и в результате постановило его "передать Высшему Церковному Управлению". Передача Собором принятого им доклада на распоряжение ВЦУ означала предоставление права вводить данный доклад в жизнь полностью или в частях, по благоусмотрению, т.е. что ВЦУ (прежде всего, патриарх и синод) в этом вопросе должно им руководствоваться в определенном смысле как документом, переданным законодательной властью власти исполнительной.

Св. патриарх Тихон, таким образом, имел полное право дать подобное благословение, что и сделал, - например, дал его московским священникам Иоанну Борисову и Владимиру Быкову и известному сибирскому миссионеру киевскому архимандриту Спиридону (Кислякову). (Тут напомним, что еще в бытность архиереем в Северной Америке (1898-1907) святитель Тихон благословил перевод и издание на английском языке "Службника св. Православной Кафолической Апостольской Церкви").

"Примером покойного Святейшего Патриарха Тихона" руководствовался и будущий патриарх Сергей, на протяжении своего 45-летнего архиерейского служения боровшийся за местную соборность в этом вопросе и до революции 10 лет бывший председателем и душой синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг.

В 1905 г. он писал, что "необходимо на предстоящем Соборе обсудить вопрос об упрощении богослужебного славянского языка и о предоставлении права, где того пожелает приход, совершать богослужение на русском языке". Тот же вопрос поставил он перед Предсоборным совещанием, возглавив его после смерти в ноябре 1912 г. прежнего председателя и в этом вопросе своего единомышленника митр. Санкт-Петербургского Антония (Вадковского).

В июле 1917 г. архиеп. Сергей, председатель Предсоборного Совета, выступил на его заседании, посвященном возможности допущения русского и других языков в богослужение. Это повлияло на принятие окончательных тезисов, в том числе тезиса самого владыки Сергея, ставшего основой соборного решения: *"Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языках в меру возможности подлежит удовлетворению"*.

После революции митр. Сергей тоже осуществлял его в жизни, например, благословляя и поддерживая в нижегородской Ильинской общине, руководимой о. Василием Адаменко (в монашестве Феофаном, священномучеником (прест. в 1937)), служение Богу на "русском языке..., отверстие царских врат, чтение Св. Писания лицом к народу..., чтение тайных молитв во всеуслышание". "Руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха, я не нахожу препятствий к тому, чтобы Преосвященные Епархиальные Архиереи, если найдут полезным, разрешали иеромонаху Феофану (или другим) то же самое и каждый в своей епархии".

Очень важно Постановление заместителя патриаршего местоблюстителя и временного при нем патриаршего Священного синода "О принятии в общение со Св. Церковью и о допущении русского языка в церковном Богослужении" от 10 апреля 1930 года за № 69, где в п.3 написано, "что допущение русского языка в Богослужении (в виду бывших при покойном Св. Патриархе примеров) не встречает непреодолимых препятствий" ("Журнал Московской Патриархии" № 5 за 1931 г.)

Святитель поддерживал о. Феофана, потому что ясно видел сложившуюся церковную ситуацию и считал, что в новой ситуации необходимо искать новые пути жизни церкви, что нужны поэтому и новые пастырские поиски и подходы. По его мнению, нельзя принимать позицию тех, кто отказываясь

признать изменившиеся обстоятельства, предпочитает ждать восстановления святой Руси - готов бороться, даже *умереть* за это, - но не хочет учиться *жить* в новых условиях и не хочет ничего менять в своих действиях.

Митр. Сергей писал: "Не хочу оставаться с ними при "святой Руси", хочу устраивать для Церкви возможность жизни при новых условиях, пожалуй, еще не повторявшихся в истории... Страница со святой Русью уже перевернута, и будет безумием и с нашей стороны отрицать это и убеждать себя и других, что мы можем продолжать ее читать и теперь, это было бы отрицанием факта, т.е. нежеланием подчиниться свершившейся воле Божией... Сам Святейший Патриарх Тихон... понял всю бесцельность ставить Церковь поперек течения истории и нам указал этот путь... Младшие неизбежно вовлечены будут в новую жизнь, неужели же вместе с этим придется уходить из церкви. Это было бы величайшим грехом с нашей стороны". Митрополит Сергей считал, что "через десяток-другой лет вырастет поколение, для которого Православная церковь с ее церковнославянским языком, древним богослужением будет выглядеть музейной реликвией".

Когда же о. Феофан был арестован, то святитель предпринимал попытки вызволить его из застенков. Последний раз патриарх Сергей пытался это сделать уже в последние дни своей жизни, подав 27 октября 1943 г. заявление властям с просьбой об амнистии лицам, которых он "желал бы привлечь к церковной работе под моим ведением". К заявлению был приложен список - 24 архиерея, архимандрит Афанасий (Егоров) - видимо, келейник патриарха, и о. Феофан Адаменко. Патриарх не знал, что 25 из них были уже расстреляны.

Ныне в лике новомучеников Российских есть священномученики Нижегородские Феофан и Василий - о. Василий (Феофан) Адаменко (прест. в 1937) и его помощник и преемник по руководству общиной о. Василий Абоимов.

В борьбе против церкви ее враги избрали (и донныне избирают!) прежде всего методы "разделяй и властвуй" и дискредитации самых насущных для церкви дел. Так возник обновленческий раскол, полностью, от начала до конца организованный большевистскими Политбюро и ЧК. Естественно, для обновленцев было важно доказать свою связь с движением церковного обновления начала века. Так и возник бытующий по сию пору миф о связи обновленцев с дореволюционным движением церковного обновления. Но ни одного члена знаменитого кружка 32-х петербургских священников среди руководителей живоцерковной и обновленческой смуты не было! Например, такой видный член кружка 32-х, как прот. Михаил Чельцов, автор его программы ("Сущность церковного обновления"), выбранный в 1917 г. председателем Епархиального совета (тогда же избрали и митр. Петроградского Вениамина), первый раз приговоренный к смерти вместе с ним в 1922 г., был до своего расстрела в 1931 г. оплотом патриаршей церкви в Ленинграде, еще с того времени, когда верными патриарху Тихону там оставались два-три прихода.

Еще один миф - о якобы предпринимавшихся обновленцами реформах в богослужении, в частности, использовании ими русского языка в нем. Историк Александр Кравецкий пишет: "Считается, что обновленцы были сторонниками перевода богослужения на русский язык и радикальных литургических реформ. Однако знакомство с официальными документами обновленцев показывает, что это миф".

Самарский новомученик прот. Сергей Самуилов, расстрелянный в 1931 г., до революции в своем благочинии в одиночку призывавший готовить народ к богослужению на русском языке, в 1923 г. оказался также единственным в своем благочинии священником, открыто выступившим против обновленчества. Но нет ни одного известного случая благословения обновленческим руководством служения на русском языке, как и вообще каких-либо литургических реформ, - напротив, хорошо известно, что оно гнало русский язык в богослужении! Документы их соборов и свидетельства современников, союзников и противников, определенно это показывают. Один из учеников обновленческого митрополита Александра Введенского рассказывал мне, что тот не признавал русский богослужебный язык и гнал о Феофана (Адаменко), так как к церковной жизни часто подходил с эстетических позиций, именно поэтому он любил славянский язык, а русского не любил. К тому же трудно, почти абсурдно предположить, что богоборческое государство, которое, как мы теперь хорошо

знаем по документам, подготовило и спровоцировало обновленческий раскол, было заинтересовано в понятном богослужении, которое приближало бы народ к Богу и Церкви!

В чем же тогда заключалась "новизна" обновленцев? В двух вещах:

официально - в признании социальных идеалов правящей идеологии своими (в этом их отличие от патриаршей церкви митрополита Сергия);

неофициально (но реально) - в их инспирированности властями и предательстве братьев по вере. Верность патриарху Тихону была очень опасной и с церковной и с государственной точки зрения. Те, кто в любой ситуации становился на стороне сильных, его не выбрал.

Естественно, что ни патриарх Тихон, ни другие церковные деятели не могли по обстоятельствам своего времени открыто говорить, что суть и родимое пятно обновленчества 0 в борьбе за власть, построенной на крови и на предательстве своих по вере, поэтому в своей борьбе с обновленцами они вынуждены были ссылаться лишь на какие-то внешние вещи, в том числе на букву канонов и т.п.

Однако существует важное свидетельство патриарха Алексия I, относящееся к 1940-м годам. Как только у него появилась возможность (а он очень хорошо знал ситуацию, так как был активным участником церковной жизни 20-30-х годов, когда находился в ссылке; он и сам очень краткое время шел навстречу ВЦУ), он сразу сказал правду об этом расколе: обновленчество - это никакие не реформы, а предательство своих братьев по вере... В наши дни мы должны это очень хорошо знать и понимать.

Почему же тогда возник миф о литургических реформах обновленцев? Безбожная власть понимала, что нельзя допустить подлинного обновления и возрождения церкви, и поэтому ею была осуществлена поистине дьявольская подмена: неприятие церковным народом предательского поведения самозванных "обновленцев" подменили враждой ко всякой реформе в церкви. (Правда, некоторую роль здесь сыграли и полемические усилия со стороны противников "обновленчества", игравших на не лучших сторонах народного сознания и допускаявших полемические упрощения, а использование упрощенных аргументов тоже всегда приносит лишь горькие плоды.)

Новомученики и исповедники Российские, напротив, переводили богослужебные книги и использовали русский язык в богослужении. Можно назвать и поминающих, и не поминающих митр. Сергия архиереев, сторонников русского языка: например, Алексия (Симанского), Иоанна (Пояркова) и Серафима (Александрова) среди поминающих и Гурия (Степанова), Стефана (Знамировского), Николая (Могилевского), Афанасия (Сахарова) и Максима (Жижиленко) - среди бывших непоминающими.

Известна точка зрения прошедших лагеря архиереев, одно время непоминавших митрополита Сергия или до этого близких к "даниловской оппозиции". Это архиепископы Гурий (Степанов) и Стефан (Знамировский), епископ Афанасий (Сахаров).

Архиепископ Иркутский Гурий (Степанов), известный миссионер, в 1930-е годы находился в ссылке в Чердыни вместе с иером. Феофаном (Адаменко) и переводил с ним богослужебные тексты на русский язык для практического использования. Расстрелян в 1938 г.

Архиепископ Вологодский Стефан (Знамировский), до Собора 1917-1918 гг. - инспектор Пермской семинарии, был активным участником работы подотдела о богослужебном языке и одним из авторов текста окончательного варианта этого соборного документа. Он "признавал необходимым взяться за великое дело исправления и перевода богослужебных книг сведущими и готовыми на этот великий святой подвиг людьми. Если Собор по каким-либо причинам не допустит совершения богослужения на русском языке, то, - по его мнению, - желательно и полезно будет допустить во всяком случае частное распространение богослужебных книг на русском языке "для ознакомления верующих с содержанием церковных молитв". Насильственного введения не должно быть, а только по желанию". Расстрелян в 1941 (?) году.

Епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), треть века проведенный в узах, "выдающийся литургист, человек глубоко церковный, большой сторонник поновления переводов и даже перевода богослужебных текстов на русский язык" (как вспоминал о нем проф. МДА Дмитрий Огицкий), говорил, что только тот является верным сыном Русской православной церкви, кто сохраняет послушание решениям Собора 1917-1918 гг., в том числе в богослужебной области. Он не раз напоминал и то, что единственно каноническими богослужебными книгами нашей церкви являются утвержденные Синодом

книги, подготовленные комиссией под председательством Сергия Финляндского. В одном своем официальном докладе священноначалию он писал: "Вопрос об исправлении наших богослужебных книг я считаю настоятельно необходимым и неотложным. Поэтому я с давних пор занимался исправлением в принадлежащих мне книгах в предположении, что, может быть, когда-либо в будущем мои исправления пригодятся Церкви Божией". Еп. Афанасий также поддерживал труды исповедника веры свящ. Сергия Желудкова, призывавшего к литургическому творчеству. Еп. Афанасий ссылался в своих трудах и на митр. Алма-Атинского Николая (Могилевского), 25 лет проведенного в лагерях, своего единомышленника в этом вопросе.

Почитаемый на Украине исповедник веры архим. Лаврентий Черниговский (Проскура), еще до ареста, в 20-е годы, на вопрос, на каком языке лучше служить, славянском, русском или украинском, отвечал: "Безразлично".

В 1950-е годы, освободившись из лагерей и ссылок, церковное служение продолжал архимандрит Таврион (Батозский). Он активно использовал русский язык в богослужении, например, каноны праздничных служб он читал по-русски в переводе Е.И. Ловягина. Незабываемо его чтение Молитвы Господней, проникнутое сердечным чувством и горячей верой: "Отец наш, Сущий на небесах...".

Среди учеников отца Алексея Мечева выделяется архимандрит Борис (Холчев). После лагерей и ссылок он служил в Узбекистане. Каноны праздничных служб он также читал по-русски.

Весьма грешным, прямо не допускающим детей ко Господу и равносильным лишению их святой Чаши, считал богослужебное чтение Писания на славянском, непонятном для детей языке епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский).

С 1960-х годов на архиерейское служение выходят вл. Никодим (Ротов) и его единомышленники (например, архиеп. Михаил (Мудьюгин), продолжившие традицию переводов и использование богослужебных текстов на русском языке. В эти же годы с византийской и сирийской гимнографией начинает знакомить русского читателя переводчик и культуролог Сергей Аверинцев.

С 1980-х годов активно использует русский язык в богослужении и призывает к этому московский миссионер и катехизатор свящ. Георгий Кочетков. Им переведены и изданы все используемые ныне литургии, всенощное бдение, чины некоторых таинств и т.д.

Этот список можно было бы продолжать и продолжать.

* * *

Итак, какой же мы можем сделать вывод? Ситуация с проблемой богослужебного языка по сравнению с дореволюционной изменилась радикально. И дело не в том, что сейчас среди пастырей нашей церкви гораздо меньше сторонников перевода богослужения на русский язык. Дело в том, что до революции, как мы убедились, ситуация с богослужебным языком не устраивала практически никого, сейчас же она устраивает практически всех. Почему это так? Неужели современные верующие понимают богослужение лучше дореволюционного русского народа, у которого церковнославянский язык был хотя бы связан с реальным бытом? Конечно, нет. Можно со всей ответственностью сказать: практически никто из современных верующих, большая часть из которых - неофиты, не знает церковнославянского языка и почти ничего не понимает в богослужении.

Второе важнейшее отличие: до революции объектом дискуссии был в первую очередь не русский язык, как теперь, а церковнославянский. Именно наличный церковнославянский перевод был, в первую очередь, объектом критики: из-за своих неточностей, ошибок, а зачастую - и простой непонятности для большинства. К скорейшему новому, исправленному и упрощенному переводу призывали именно защитники и сторонники церковнославянского языка. Как это контрастирует с сегодняшней ситуацией, когда, например, такой демонстративный противник русского языка в богослужении, как архимандрит Тихон (Шевкунов), издает Минеи в старом, неисправленном варианте...

О чем все это говорит? Ответ напрашивается сам собой: не только понятность богослужебного языка для верующих, но и сам этот язык сейчас в церкви мало кого интересует. Речь здесь идет вообще о языке. Но почему это так, неужели же современные пастыри настолько очерствели сердцем, что боль их дореволюционных предшественников до них уже не доходит? Или все они, как

могла бы предположить желтая пресса, были кем-то завербованы? Нет, среди современных сторонников сохранения status quo в вопросе богослужебного языка немало достойных, ревностных и успешных пастырей. Тогда откуда же такой контраст, такой разрыв с церковной традицией? Ответ очень прост: в своей пастырской работе они уже не надеются на адекватное восприятие богослужения. Давно прошло то время, когда богослужение было для верующего человека "всем". После перевода Священного писания на русский язык и появления традиции проповеди на русском языке важность понимания богослужения значительно уменьшилась. Тем более, что с прошлого века появилось огромное количество самой разной и доступной для всех слоев общества церковной литературы. Другими словами, свою потребность "возлюбить Бога всем разумением своим" российский православный человек все больше удовлетворяет не только вне уставного богослужения, но даже и просто вне стен храма. Не случайно такое распространение в нашей церкви обрело так называемое младостарчество: не введение человека в подлинное предание церкви, выраженное в богослужении, но доморощенное и часто полукнижное "духовничество" - вот что все больше становится в центре жизни церкви.

Не случаен и тот разрыв в подходе к проблеме богослужебного языка, в котором мы только что смогли убедиться. Этот разрыв свидетельствует о разрыве в самом предании: богослужение продолжает жить само по себе, а жизнь идет сама по себе... Если в прошлом веке непонятность и недоступность человеку уставного богослужения вылилась в широчайшее употребление на Руси акафистов, как-то снимавшее проблему отрыва народа от богослужения, то теперь нет и того - акафисты писать почти перестали.

Характерно, что и для защитников русского языка проблема понятности богослужения, по их собственным настойчивым заявлениям, - не главная. Недавно один из их оппонентов остроумно заметил, что не понимает, почему члены общины о. Георгия Кочеткова с такой настойчивостью выступают за русификацию богослужения и чтение так называемых "тайных" священнических молитв вслух, ведь Евхаристия занимает столь важное место в их жизни, что они знают ее текст чуть ли не наизусть (или, в крайнем случае, всегда имеют с собой книги, по которым следят за ходом службы), поэтому им-то как раз должно быть все равно, на каком языке ведется служба, пусть хоть на китайском...

Это, конечно, верно, но именно против этого и выступают сторонники русификации богослужения: да, можно всегда носить с собой книжку и следить за богослужением по ней, можно даже выучить текст наизусть, но это всегда означает, что предстоятель немного сам по себе, а молящийся народ - тоже сам по себе. Но именно против этого и восстают все те древние богослужебные тексты, которые порождены нашей богослужебной традицией: они требуют реального жизненного единства верующих, они выражают и создают это единство, другими словами, они предполагают и создают общину. Их дух и смысл, будучи доступен и внятен, несовместим с духом младостарчества или иных распространенных сейчас псевдоморфоз и суррогатов церковной жизни. Если наше богослужение и его текст (будь то в переводе на современный русский с греческих оригиналов, будь то на "русифицированном славянском" с сохранением церковнославянской лексики и, отчасти, строения фразы, будь то на "новом, упрощенном церковнославянском", о котором мечтал свт. Феофан Затворник) опять станет реальным экзистенциальным центром церковной жизни, это потребует от всех нас таких перемен в нашей жизни, такого ее евангельского и святоотеческого обновления, в возможность которого сейчас мало кто верит и которого поэтому даже мало кто хочет.

Если же все-таки будет преодолен разрыв между богослужением церкви и ее реальной жизнью, то неизбежно встанет вопрос и об обратной связи: ведь чтобы богослужение было подлинно богослужением церкви, не только богослужение должно влиять на жизнь, но и наоборот - богослужение должно стать действительным отражением жизни Церкви. (Это еще одна причина того, что перестали появляться новые акафисты: творческий дух уходит из богослужения.) Именно в таком ракурсе еще в середине XX века ставил проблему исповедник веры о. Сергей Желудков:

"... Речь моя идет не о переводах, а о новом творчестве, которое на языке другой эпохи невозможно. Церковные песнотворцы писали на языке *своего времени* - конечно, не на рыночном, а на торжественном. Златоуст онемел бы, если бы ему поставили условие - говорить языком эпохи Гомера. Это вдвойне действительно по отношению к языку церковнославянскому, который представляет собой

соединение греческой грамматики со славянскими корнями и на котором за тысячу лет ничего кроме переводов и не было написано. Когда мы читаем, например: "*О ужасного начинания!*" или "*О радости оных!*", - мы переносимся не в одну эпоху, а сразу в две другие эпохи, и не знаем, что нас более трогает, - пафос грека или смирение русского переводчика: оба они молятся с нами... На этом священном "*двуязыке*" можно при помощи словаря "составлять" что-нибудь, как делали мы это со службами русским святым и акафистами. Но это будет еще не творчество, а только имитация или пародия.

Неужели с греками навсегда *кончилось* словесное *творчество* в церкви? И как войдет наш великий, правдивый, могучий, свободный *русский язык* в русское церковное Богослужение?.." (из письма 1957 г.)

Конечно, если это и будет, то очень не скоро. Пока же, сделав этот небольшой обзор русской переводческой традиции, ее духовных истоков и движущих причин, мы можем сделать последний вывод. В дискуссии о возможности русскоязычного богослужения и вообще о доступности богослужения для широких кругов верующих речь идет не только и не столько о его "понятности". Речь идет прежде всего о том, будет ли наша церковь продолжать жить новыми "традициями" - "младостарчества", "младосимфонии" церкви и государства и т.п. - или все-таки начнет понемногу возвращаться в своей жизни к традиции - как традиции Церкви вселенской, так и к традиции церкви Русской, а значит - и к ее традиции богослужебных переводов.

Литература по теме:

1. Еп. Авг. (Епископ Аксайский Августин (Гуляницкий)). По поводу издания "Учебного Октоиха" и "Учебного Часослова" // ТКДА. Киев, 1888. № 11. стр. 75-103.
2. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994.
3. Еп. Александр (Семенов-Тянь-Шанский). О работе священника в летних детских православных лагерях. // Детские лагеря. М., 1995. стр. 5-25.
4. Преп. Амвросий Оптинский. Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. В 3-х частях. М., 1995.
5. Свящ. Д. Ахматов. К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским. // Миссионерское обозрение. 1911. № 1. стр. 13-29.
6. В.В. Болотов. Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого. // Христианское чтение. СПб, 1914. Март. стр. 281-298.
7. Виршевая поэзия. М., 1989.
8. С.Т. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883.
9. Е.Е. Голубинский о реформе в Русской церкви. // Православная община. М., 1991. № 5, 6. стр. 33-44 и 62-69.
10. Е.Е. Голубинский. История русской церкви. В 4-х томах. М., 1997-1998.
11. Иером. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Т. 1. Тверь, 1992. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 2. Тверь, 1996. Т. 3. Тверь, 1999.
12. Е.А. (Епископ Михайловский Августин (Гуляницкий)). Канон Великий св. Андрея Критского в новом переводе на церковнославянский язык. // Душеполезное чтение. М., 1882, № 1, стр. 232-261.
13. Свящ. С. Желудков. Литургические заметки. Ркп.
14. В.М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
15. Жизнеописание священномученика иерея Сергия Мечева, составленное его духовными чадами. // Надежда. Базель-Москва, 1993. № 16. стр. 15-207.
16. С.А. Зеньковский. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995.
17. Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского. М.-СПб, 1995.
18. Джемс В. Каннингем. С надеждой на собор. Лондон, 1990.

19. А.Ч. Козаржевский. А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве. // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 1989. № 1. стр. 54-66.
20. И. Корсунский. Филарет, митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу перевода Библии на русский язык. М., 1886.
21. А.Г. Кравецкий. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917-1918 годов и в последующие десятилетия. // ЖМП. М., 1996, № 2. стр. 68-87.
22. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева. Деятельность еп. Афанасия (Сахарова) по исправлению богослужебных книг. // Славяноведение. М., 1996, № 1. стр. 114-124.
23. А. Краснов-Левитин. Дела и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский. Кретеи, 1990.
24. А.Э. Левитин-Краснов, В.М. Шавров. Очерки по истории русской церковной смуты. М. - Кюснахт, 1996.
25. Летопись Скита Оптиной пустыни. Избранные страницы 1845-1882 гг. по плану монаха Варсонофия (Плиханкова) // Православие и русская народная культура. М., 1994. стр. 87-180.
26. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 3-х частях. СПб, 1906.
27. В.Ф. Певницкий. О церковно-богослужебном языке. // Прибавления к церковным ведомостям. СПб, 1908. № 26-28, 30. Стр. 1217-1219, 1268-1273, 1315-1318, 1410-1412.
28. Г. Подскальский. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. (988-1237 гг.). СПб, 1996.
29. Политбюро и церковь Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.-Новосибирск, 1997. (Архивы Кремля).
30. Свящ. Н. Пономарев. О церковно-богослужебном языке. // Самарские епархиальные ведомости. Самара, 1912, № 23. стр. 692-696.
31. Свод мнений епархиальных архиереев (по вопросу о церковной реформе). СПб, 1906-1907. РГИА, ф. 797, оп. 96, № 203.
32. Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской православной Церкви (1917-1997 гг.) (Сост. игум. Андроник (Трубачев) и иером. Дамаскин (Орловский)) // Прот. В. Цыпин. История Русской церкви. 1917-1997. М., 1997. стр. 674-705.
33. И.К. Смолич. История русской церкви. В 2-х томах. М., 1997.
34. Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык. (Е.И. Ловягина и др.) Вып. 1. М., 1997.
35. Б.И. Сове. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX вв. // БТ. М., 1970. № 5. стр. 25-68.
36. Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка. (XI-XIX вв.) М., 1994.
37. Еп. Феофан Затворник. // Душеполезное чтение. М., 1896. № 10. Ч III. стр. 462-463.
38. Свт. Феофан Затворник. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Т. 1-УШ. М., 1994.
39. Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С.А. Первухин, в их взаимной переписке. // Труды Императорской Киевской Духовной Академии. 1915. Т. II, стр. 297-305.
40. Письма Московского митрополита Филарета к покойному архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883.
41. Архиепископ (Черниговский) Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. ТСЛ, 1995.
42. Служба св. Филарету (Милостивому) // Вера и жизнь. Чернигов, 1914. № 23. стр. 13-14.
43. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. ТТ 1-5. М., 1873-1885.
44. Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
45. Сщмч. протопр. Александр Хотовицкий. О богослужебном языке // Православная община. М., 1996, № 32. стр. 53.
46. Прот. М.П. Чельцов. В чем причина церковной разрухи в 1920-1930 гг. Публ. В. Антонов // Минувшее. Исторический альманах. М.- СПб, 1994. Вып. 17, стр. 418-468.

47. Прот. Михаил Чельцов. Сущность церковного обновления. Православная община. М., 1997. № 40. стр. 75-87.

48. Прот. С. Четвериков. Молдавский старец Паисий Величковский. Париж, 1988.

Статья опубликована в журнале "Православная община". М., 2000. № 56. стр. 32-64.

http://www.churchlibrary.narod.ru/kott_preface.htm

http://www.churchlibrary.narod.ru/kott_preface_2.htm